

А. Ф. НЕКРЫЛОВА¹

СЕМИНАР ВЛАДИМИРА ЯКОВЛЕВИЧА ПРОППА НА ФИЛФАКЕ ЛГУ В 1960-Е ГОДЫ²

Мне выпало счастье учиться в Ленинградском университете в 60-е годы и с первого по пятый курс заниматься в семинаре Владимира Яковлевича Проппа.

Я поступила в университет в 1962 году. Сразу же, после нескольких лекций Владимира Яковлевича Проппа, попросила разрешения посещать его семинар. Владимир Яковлевич разрешил, и я осталась здесь на все пять лет. Почему выбрала именно пропповский семинар? Похоже, я тогда уже поняла: здесь все серьезно, академично и доброжелательно, без напускного поучительства, но при разумной требовательности, а сам Владимир Яковлевич сразу показался мне настоящим университетским профессором.

Семинар, насколько я помню, всегда собирал выходцев разных годов выпуска, здесь были студенты, аспиранты, выпускники разных лет, уже определившиеся в профессии, работающие в разных учреждениях, в разных городах, остепененные кандидаты и доктора. В то время, когда я училась, аспирантом был, например, Юрий Иванович Юдин, один из последователей Владимира Яковлевича и его любимый ученик. Владимир Яковлевич хотел оставить его вместо себя на кафедре, но Юрий Иванович не имел ленинградской прописки и к тому же не был партийным. Юдин вынужден был уехать в Курск, где до последних дней жизни преподавал в педагогическом институте. В это же время аспирантуру, по-моему, заканчивала Тамара Ивановна Орнатская, с которой потом мы встретились в Пушкинском Доме, где

¹ Анна Федоровна Некрылова (р. 1944) — филолог, фольклорист, специалист по народному театру. Кандидат искусствоведения, сотрудник отдела русского фольклора ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН.

² Частично опубли.: Живая старина. 1995. № 3 (7). С. 20–21.

она работала в группе по исследованию творчества И. А. Гончарова, а в 1969 году она защитила кандидатскую диссертацию по причитаниям в русской фольклорной традиции. Маина Павловна Чередникова тогда тоже заканчивала аспирантуру, занималась фольклоризмом Н. С. Лескова («Очарованный странник»). Сейчас широко известны ее работы по детскому фольклору, замечательный этнодиалектный словарь Ульяновской области. Клара Евгеньевна Корепова, Антонина Николаевна Мартынова, Александр Александрович Горелов, Леонард Иванович Емельянов, Неонила Артемовна Криничная в мои студенческие годы либо уже завершали аспирантуру, либо, защитив диссертации, работали по специальности (Криничная и Корепова — соответственно в Петрозаводске и Нижнем Новгороде, тогдашнем Горьком), но каждый при любой возможности стремился посещать семинары Учителя.

Семинар крепко связал на всю жизнь многих его участников. Старшие всегда опекали младших. На первую в моей жизни студенческую конференцию Владимир Яковлевич отправил меня именно к Кларе Кореповой в Горьковский университет. Когда мы ездили в экспедиции через Петрозаводск, непременно встречались с Нилой Криничной. В 1980-е годы фольклористы-пушкинодомцы работали в Нижегородском крае, и, естественно, курировала нас Клара Евгеньевна. Благодаря Владимиру Яковлевичу еще в студенческие годы я познакомилась с Изалием Иосифовичем Земцовским и Валерией Игоревной Ереминой, многое определившими в моей житейской и профессиональной судьбе, дружба с ними продолжается до сих пор. Из молодых в середине 1960-х годов в семинаре была, кроме меня, Лариса Ивлева — она оказалась последней, написавшей диплом у Владимира Яковлевича. Валентина Немнонова после университета много лет работала в издательстве «Наука», редактируя в основном фольклорные издания.

Семинар посещали и многие из тех, кто не имел к нему непосредственного отношения. Часто бывала на семинарских занятиях Валентина Евгеньевна Ветловская, тогда аспирантка Г. А. Бялого; регулярно посещала семинар Валерия Игоревна Еремина, хотя писала свою дипломную работу у В. В. Виноградова; нередко на проповедских семинарах присутствовали будущие известные ленинградские/петербургские поэты Виктор Кривулин и Сергей Стратановский, занимавшиеся в семинаре Д. Е. Максимова. С последним мне довелось поработать в студенческие годы в одной из фольклорно-диалектологических экспедиций.

На семинаре была потрясающая обстановка. Зачитывали свои описы, рассказывали об экспедициях, открытиях в архивах, делились своими идеями не только студенты и аспиранты, но и уже «самостоятельные» ученые. Все имели возможность выступить,

и каждый должен был принять участие в обсуждении — неважно, была ли это работа студента, только пришедшего в семинар, или маститого исследователя. Я на первом курсе написала что-то по пословицам, понятно, очень скромное, скорее похожее на развернутое школьное сочинение, так ведь и меня терпеливо выслушали, задавали вполне серьезные вопросы, надавали массу полезных советов. Столь же внимательно и придирчиво мы обсуждали доклады Владимира Яковлевича, Юрия Юдина, части дипломных сочинений пятикурсников. На семинаристах Владимир Яковлевич опробовал некоторые свои работы. Так, мы стали первыми слушателями его будущего спецкурса по сказке, здесь впервые была прочитана статья о Врубеле и т. д. Это было действительно со-творчество, на равных. Я не говорю о само собой разумеющемся уважительном отношении, но все мы были в курсе того, кто что делает, над чем работает. Прекрасная школа! Семинар дал многое, в первую очередь — знакомство с русским фольклором практически во всем его объеме, да и не только с русским. Владимир Яковлевич никогда не навязывал семинаристам темы, каждый мог выбрать любой жанр, сюжет, героя, ракурс исследования, причем все работы, как я уже сказала, обязательно заслушивались и обсуждались на семинарских занятиях. Особое внимание уделялось методу, который обуславливался материалом, его спецификой; стало быть, первое, что требовалось — собрать с достаточной полнотой материал и попытаться его систематизировать. При этом не увлекаться максимализмом, чтобы не утонуть в материале, оправданно ограничиться им, когда наблюдается повторение и высвечивается закономерность, в частности в композиции, структуре определенного жанра или группы произведений. Не удивительно, что в начале творческого пути многих крупных ученых был семинар Проппа. Кроме перечисленных фольклористов, назову востоковедов Б. Б. Вахтина и Б. Л. Рифтина. Даже те, кому пришлось уйти в другие гуманитарные области, как правило, так или иначе возвращались в фольклористику. Это Г. Л. Венедиктов — поэт, художник-график и фольклорист; А. И. Нутрихин — журналист, писатель, переводчик, оставивший воспоминания о семинаре Проппа, и другие.

Владимир Яковлевич, да и другие ведущие преподаватели филфака, очень поддерживали разные выходы за пределы факультета, университета. Скажем, у нас на филфаке, на русском отделении не читались курсы ни по истории России, ни по истории Европы. Владимир Яковлевич одобрял посещение лекций на истфаке. Я, помню, ходила на лекции В. В. Мавродина, читавшего курс по истории России. Большое впечатление произвел Матвей Гуковский, брат Григория Гуковского, он вернулся из мест отдаленных; у него был голос охрипший, напряженный, но слушать его лекции по истории Европы средних веков было истинное наслаждение.

Тогда же на истфаке (или на факультете психологии) появился молодой Игорь Кон. Это было первое обращение отечественных ученых к новому направлению — «социологии личности», такого словосочетания вообще еще не было, и вдруг он, молодой ученый, объявил свой курс, который собирал огромную аудиторию. Мы бегали, в самом деле — бегали, чтобы успеть с занятий на филфаке, и слушали его, было необыкновенно и захватывающе интересно. Он произносил имена, которых мы не знали, — например, Питирим Сорокин, Густав Шпет, Эрих Фромм, М. М. Ковалевский и др.

Мы все время чем-то подпитывались. Время было удивительное — демократия, оттепель, выход в свет запрещенных в прежнее советское время книг, очень много было анекдотов, которые рассказывали уже в открытую, не только на кухне. На филфаке студенты открывали для себя поэтов Серебряного века, увлекались обэриутами, были завсегдатаями знаменитого «Сайгона», читали и перепечатывали Самиздат, цитировали Мандельштама, Цветаеву, Н. Гумилева, посещали выставки художников, работавших не в соц-реализме. Виктор Андроникович Мануйлов в битком набитой 31-й аудитории рассказывал о Максимилиане Волошине и Коктебеле.

Наверное, именно такая атмосфера позволяла нам, студентам, буквально заказывать определенные курсы. Нам было мало спецкурсов и спецсеминаров в законный день — среду, все непременно ходили на Григория Абрамовича Бялого, к Дмитрию Евгеньевичу Максимову. Какие-то спецкурсы устраивались вечерами по пятницам (среды не хватало). Никто не удивлялся, никто не возражал, напротив — это считалось правильным, естественным. Например, студентов, заинтересованных древнерусской литературой, приглашали в Пушкинский Дом на заседания Отдела древнерусской литературы, которым руководил Д. С. Лихачев. Причем и студентов не просто приглашали устно, нам регулярно приходили по почте извещения-приглашения за подписью секретаря отдела Пушкинского Дома. Где-то у меня хранится несколько таких почтовых посланий: «Уважаемая Анна Федоровна, очередное заседание Отдела древнерусской литературы состоится тогда-то, тема такая-то...». Я была на 4 или 5 курсе, когда небольшая группа студентов захотела подробнее узнать историю Византии. С чего вдруг? Сейчас не могу вспомнить. Мы пошли в деканат, озвучили свое желание, и нам полгода читали историю Византии. Удовлетворена была и просьба о дополнительных занятиях с Яковом Соломоновичем Лурье, ведущим специалистом по древнерусской литературе, и полгода мы читали переписку Курбского с Грозным, построчно, с комментариями Якова Соломоновича. Факультативный курс по палеографии вел для нескольких человек Николай Николаевич Розов, прямо в Отделе рукописей Публички, на примере подлинных рукописных и старопечатных книг. Не могу не сказать о лекциях (совсем не обязательных для фольклористов) по общей этимологии Ю. В. Откуп-

щикова, посещение которых Владимир Яковлевич тоже всячески приветствовал. Хорошо, если мы понимали двадцатую часть того, о чем говорил Юрий Владимирович, но это было безумно интересно, захватывающе и в последующей жизни очень пригодилось. Лекции его воспринимались как своего рода научный детектив: неожиданно выстраивались целые цепочки, раскрывались языковые связи, проступали глубинные значения слов.

Еще, конечно, мы часто посещали Русский музей, Эрмитаж, и Владимир Яковлевич с немецкой педантичностью спрашивал: «Как вы ходите в Эрмитаж?» Ну пошли и пошли. «Надо ходить правильно! Сегодня вы посетили залы с голландцами, и этого достаточно, останьтесь с этим впечатлением. Потом побудьте у итальянцев, в следующий раз ограничьтесь античными и египетскими собраниями. Если вы попали на третий этаж, там, где выставлены импрессионисты, то тоже никуда больше в этот день ходить не следует». Мы так и ходили — поочередно, выстроив схему маршрутов, в разные залы в разные дни.

По правде сказать, в нашу студенческую эпоху не все было гладко и прекрасно. Случалось, мы попадали в довольно неприятные, а порой и опасные ситуации. И Владимир Яковлевич был из тех, кто нас спасал. Тогда казалось, что никаких ограничений быть не может, что нам дозволено говорить все, писать обо всем, заниматься, чем хочется, оценивать происходящее и прошлое. Конечно, мы ошибались. Когда я была еще на первом курсе, мы задумали выпускать свой рукописный журнал. Журнал назывался «Зензивер» (по Хлебникову). Писали стихи, рассказы, какие-то эссе, даже критические статьи. Это было вскоре после того, как Хрущев посетил выставку художников-авангардистов (1 декабря 1962 года в московском Манеже) и разругал все, что там было выставлено. Так вот, на обложке первого номера нашего журнала был изображен Лаокоон со всеми змеями, и на каждой змее было написано Партком, ДОСААФ, Профком и пр. Понятно, чем это дело кончилось. Началась серьезная «проработка». За нас тогда заступился ректор, А. Д. Александров. И Владимир Яковлевич тоже не похвалил, но и не бранил, просто сказал, чтобы не занимались этим: «Вы знаете, что надо кончить университет, а потом...». Нас оберегали, спасали многие преподаватели. Когда мы с Ларисой Ивлевой побывали в Карелии в экспедиции, — Онежское озеро, Медвежьегорск — те самые места, где были лагеря, где еще сохранялась на месте лагерей колючая проволока, где мы наслушались специфического фольклора и бытовых трагических историй, связанных с ГУЛАГом. Блатной и ГУЛАГский фольклор шел массивом. Пели тюремные песни еще XIX в. и одновременно в большом количестве жестокие романсы. Правда, записать удалось достаточно много и из классического фольклора. Свои материалы, наиболее интересные, мы отправ-

ляли Владимиру Яковлевичу по почте, а потом отчитывались об экспедиции на семинаре. Нам было велено представить что-то вроде отчета в «Вестник ЛГУ». Мы описали все честно: и про лагерь, и про весь репертуар местного населения. И неожиданно нас вызвал С. С. Деркач, один из редакторов «Вестника ЛГУ». Он сказал: «Все, что вы написали, очень интересно, но мы не все и не обо всем можем писать в журнале. Вы должны это убрывать, а это сократить», — и вдобавок: «Вы все равно пишете, собирайте. Придет время, тогда опубликуете». Чуть позже Владимир Яковлевич спросил более прямо: «Аня и Лариса, вы хотите закончить университет?»

В рамках дипломной работы я хотела писать о жестоких романах, и вновь Владимир Яковлевич сказал: «Нет, этому не время. Запоминайте, фиксируйте, пишите». Пришлось остановиться на преданиях о Петре Первом. Нисколько не жалею об этом. Работа получилась на грани фольклорного исследования и исторического, и Владимир Яковлевич, вопреки правилам, пригласил в качестве оппонентов не одного, а двух преподавателей, да каких! — Г. П. Макогоненко и В. В. Мавродина (профессора исторического факультета). Клара Евгеньевна Корепова вспоминала о похожем: в качестве кандидатской диссертации ей прямо-таки навязывали тему «рабочий фольклор», точнее — «песни сормовских рабочих». Понятно, ей совершенно не хотелось этим заниматься, и Владимир Яковлевич буквально отчитал ее, строго наказав не отказываться от предложенной темы, во-первых, потому, что рабочий фольклор — тоже фольклор, и им стоит заняться; во-вторых, нельзя подводить тех, кто взял ее на работу и от кого в свою очередь требуют соответствующих направлений кандидатских диссертаций (опять же — время такое); в-третьих, чем больше не нравится тема, тем скорее надо с ней разделиться, но обязательно завершить достойно, честно, объективно оценив материал; наконец, в-четвертых, кандидатская диссертация, по его словам, это лишь необходимый «входной билет» в науку. Разумеется, были навязываемые темы (половицы у Ленина и т. д.), но Владимир Яковлевич никогда их не то чтобы не предлагал, он их игнорировал, и, насколько знаю, ни одной подобной темы на семинаре не обсуждалось.

Когда я поступила в аспирантуру, мне захотелось заниматься тем, чем никто не занимался. Остановилась на народном театре. С тех пор попала в театральную колею. Владимир Яковлевич меня поддержал, чего я, честно сказать, не ожидала, готовилась доказывать, отстаивать. Поддержал и Павел Наумович Берков. Когда я на кафедре озвучила тему «Народный уличный театр Петрушки», некоторые преподаватели слушали недоуменно. Вроде: глупость, надо ли филологу заниматься этим. Тут поднялся Павел Наумович и сказал два слова: «Очень хорошо». Он в 1953 году

издал антологию по русскому народному театру, где поместил два текста комедии с Петрушкой. Многие начинающие, даже уже признанные исследователи-филологи боялись Павла Наумовича с его невероятной памятью и эрудицией. Обычные его вопросы-замечания: «Разве Вы не знаете, что сто лет назад об этом писал или на это намекнул тот-то? А в «Русском инвалиде» в 18... году была помещена заметка...». Выступив за утверждение «петрушечной» темы, он тут же сказал: «Аня, обязательно посмотрите Санкт-Петербургские ведомости за 1733 г., кажется за 5 мая, там есть нужная Вам статья». На следующий день я нашла эту статью в том самом номере от 5 мая.

Может быть, потому, что Владимир Яковлевич сам был замечательным лингвистом, мы все были увлечены языками, диалектологией, историей славянских языков, этимологией. Ему мы обязаны интересом к лекциям Откупщикова, сознательно-серьезным вниманием к спецкурсам по старославянскому языку и сравнительной грамматике славянских языков, готовностью участвовать в диалектологических экспедициях. К языку у Владимира Яковлевича было особое отношение. Структурный подход, обращение к морфологии он объяснял близостью фольклорных произведений (волшебных сказок в первую очередь) к языку, к тем законам и процессам, которым подчиняется язык. И, стоит добавить, — близостью к тому, чем были увлечены в 1920-е годы петроградские-ленинградские формалисты, сосредоточившиеся тогда в Зубовском институте, на Исаакиевской пл., 5, — Шкловский, Мейерхольд, Эйхенбаум, Тынянов, Жирмунский. Кстати, Владимир Яковлевич был хорошо с ними знаком; не случайно его «морфологический» подход к сказке оценили С. Ф. Ольденбург и В. М. Жирмунский. Владимир Яковлевич непременно обращал внимание начинающих фольклористов на необходимость изучать композицию, структуру произведений. А про себя он написал в «Дневнике старости»: «У меня проклятый дар: во всем сразу же, с первого взгляда видеть форму».

Стоит сказать, что все «проповцы», определившие себя фольклористами, были заядлыми экспедиционерами. При том что сам Владимир Яковлевич сознательно оставался кабинетным ученым, наши «полевые семестры» всячески одобрял и ценил добытые в них материалы. Обязательными бывали подробные отчеты об экспедиционных поездках, с подготовленным по всем правилам материалом (беловые записи, паспортные данные, дневниковые заметки, характеристика исполнителей, условия записи и пр.). Повторю: Владимир Яковлевич всегда был за то, чтобы фольклористы, вообще филологи выезжали в поле. Поскольку в наше время фольклорные экспедиции не предусматривались программой обучения, можно было принимать участие только в диалектологических экспедициях. И для фольклористов, разумеется,

это очень полезно. Но именно Владимир Яковлевич договорился с лингвистами факультета, чтобы Ларисе Ивлевой и мне была предоставлена возможность записывать не только диалектную лексику и фразеологию, но и собственно фольклорный материал, и для этого позволить не сидеть на одном месте, как диалектологам, а передвигаться по определенному региону, самостоятельно выбирая места, где, как нам сообщали, жили хорошие рассказчики, исполнители песен, частушек, знатоки обрядов и пр. Так что мы параллельно выполняли норму по диалектологии (тысяча карточек) и вне норм заполняли тетрадки текстами песен, быличек, преданий, сведениями об обрядах, праздниках и т. д. У нас были прекрасные учителя-языковеды. Владимир Викторович Колесов в год моего поступления в университет защитил кандидатскую диссертацию, немногим позже — докторскую. С ним связаны диалектологические экспедиции, а в университете — занятия по истории русского языка. Вторым «моим» лингвистом, которому многим обязана и к которому также отправил Владимир Яковлевич, был Александр Сергеевич Герд. Высокий, худощавый, занимавшийся еще и альпинизмом, он шагал размашисто, казалось, сразу на три метра, как настоящий землемер. И мы еле успевали за ним. Первая моя экспедиция была под его руководством — на южную Псковщину.

Обо всем подробно мы рассказывали Владимиру Яковлевичу и обязательно отчитывались на семинаре. Теперь совестно оттого, что посылали своему Учителю даже не очень пристойные частушки и потрясающие наивностью жестокие романсы, с ужасно нелепыми, как нам казалось, словосочетаниями и коллизиями. Посылали и то, что сами сочиняли на диалекте, не думая, что отнимаем время и силы у немолодого уже ученого. Он все это читал, что же касается фольклорных записей, — помогал откомментировать, редактировал наши дневниковые записи, чтобы можно было сдать все эти материалы в надлежащем виде. Кроме того, Владимир Яковлевич проявлял пленки и печатал фотографии (слава Богу, не все), отснятые во время экспедиций. Он всерьез увлекался фотографией и считал видеоматериал важнейшей частью экспедиционной работы.

Я уже говорила, что мы бывали в Пушкинском Доме на заседаниях, слушали лекции на истфаке, но Владимир Яковлевич настойчиво советовал ходить и в консерваторию. Там Феодосий Антонович Рубцов возглавлял фольклорное направление. Оба профессора были хорошо знакомы, в том числе и благодаря И. Земцовскому. Кто-то из нас никогда не занимался музыкой, не знал нот, и вникать в премудрости музыковедения было очень сложно. Однако мы учились слушать музыкальный фольклор, усваивали прочную связь напева, мелодики и слова, речи, начинали понимать особые функции музыкального инструмента, наличие

особого музыкального мышления у народных исполнителей и т. п. За это тоже спасибо Владимиру Яковлевичу.

Особая вещь — музыка. Владимир Яковлевич был хорошим пианистом. Дома у него стояло пианино, буквально втиснутое в полки с книгами. Музыка была одной из мощных составляющих его жизни. Помогала ему. Понятно немецкое пристрастие: Шуберт, Шуман, Моцарт. Бетховена не очень любил. Из русских композиторов — Мусоргский. Помню несколько совершенно замечательных вечеров. Владимир Яковлевич часто приглашал студентов и аспирантов для серьезной беседы к себе, то есть не на кафедре обсуждали дипломы и курсовые, а приходили к нему домой. И иногда он садился за пианино и играл. Однажды зашел разговор о филармонии, мы часто встречались в филармонии. Он спросил, что и почему мне нравится? Я, еще не зная вкусов Владимира Яковлевича, ответила — Моцарт, Гайдн, Шопен, Скрябин. Он молча сел и стал играть что-то из Моцарта. Когда Ларисе Ивлевой и мне позволили в экспедиции заниматься сбором фольклорного материала, он решил нас подготовить и устроил встречу у него в квартире с Верой Викторовной Митрофановой, опытным экспедиционером, обходившим и изучившим всю Новгородчину, и с И. И. Земцовским, который тоже имел за плечами немало полевых сезонов и мог сказать много полезного не только как этномузыколог, но и как филолог. Рассчитывалось, что нас просветят, что записывать и как умудриться «с голоса» записать текст песни или сказку, какие задавать вопросы, как себя вести и т. п. Однако все это свелось к двум минутам, потом мы пили чай, а потом Владимир Яковлевич и Изалий Иосифович стали играть. И каждый свое, и в четыре руки. Потом Вера Викторовна стала рассказывать экспедиционные анекдоты, и на этом наша подготовка кончилась. Это было замечательно! Так мы и поехали с этим багажом.

Владимир Яковлевич знал про нас всё. Кто откуда приехал, кем работают родители, каков достаток в семье, кто уже обзавелся семьей. В одном из писем он писал о том, что студенты у него разные, и в данный момент есть студентка, у которой маленький ребенок, и не может она написать хорошую работу, потому что не будет к ней придиратся, но ведь как хорошо, что она мама, что она так замечательно рассказывает про своего малыша. Когда Ларисе Ивлевой пришлось надолго лечь в больницу, он добился для нее академического отпуска, писал ей и всячески поддерживал. Он долго, к сожалению безуспешно, боролся за Юрия Юдина, пытаясь оставить его на кафедре как замену себе в преподавании фольклора. Обязательно отвечал на каждое письмо, а их было немало, всегда поздравлял с защитами, успешными выступлениями на конференциях, с выходом в свет книг, статей, с рождением детей и вступлением в брак.

К сожалению, я не вела дневник. В сохранившихся тетрадках, блокнотах отложилось лишь то, что тогда показалось наиболее интересным, важным, неожиданным.

Вспоминаю такой казус. В 1969 году вышло переиздание «Морфологии сказки» на немецком языке. Я прихожу к Владимиру Яковлевичу, а он хохочет. Редко он именно хохотал, обычно улыбался. Что же произошло? Оказывается, переводчики из ГДР не удосужились эпиграфы из Гете воспроизвести в оригинале, а перевели их с русского перевода Владимира Яковлевича на современный немецкий. Это выглядело совершенно невероятно, так что было от чего хохотать.

Хорошо помню, как в 1967 году не единожды встречала Владимира Яковлевича в Публичной библиотеке. Он сидел за одним из первых столов и просматривал альбомы по русской иконописи, архитектуре; что-то выписывал из Грабаря, из томов «Истории русского искусства». Владимир Яковлевич продолжал заниматься Врубелем, которого чрезвычайно любил, собирал материалы по иконам Св. Георгия и почти что с юношеским азартом штудировал литературу по древнерусскому храмовому зодчеству. Помню, что на столе перед ним часто лежали тома из серии «Сокровища России». Я в это время работала над дипломным сочинением (руководителем был Владимир Яковлевич), потому довольно часто подходила с вопросами, сомнениями, пользуясь соприсутствием в Публичке. Разговор нередко переходил и на иллюстративный материал, который лежал перед моим учителем. Кое-что из услышанного я тогда же, по горячим следам, записывала.

Удивительно интересный, незабываемый разговор об архитектуре Древней Руси состоялся у нас год спустя, когда Владимир Яковлевич пригласил меня к себе домой в связи с предстоящими вступительными экзаменами в аспирантуру. Трудно вспомнить сейчас, что послужило поводом к такой беседе, но тема архитектуры захватила нас, и Владимир Яковлевич достал обычную канцелярскую папку, на которой его рукой было написано «Архитектура». Здесь лежали листы с наклеенными изображениями (фотографии, открытки) храмов, с выписками из разных исследований и заметками самого Владимира Яковлевича. Особенно поразили меня оценки, касающиеся Новгородской Софии и Дмитриевского собора во Владимире. Оба собора я видела, но, как выяснилось, ничего не видела и не поняла. Захотелось при первой же возможности посмотреть на эти храмы глазами Владимира Яковлевича и убедиться в его правоте. Осуществить такой план удалось далеко не сразу, и поделиться с Владимиром Яковлевичем новыми впечатлениями, увы, не довелось.

Сейчас, пытаясь освежить в памяти всё, что связано с Владимиром Яковлевичем, я перечитала немногочисленные открытки и письма, в разные годы адресованные мне. В трех из них учитель

писал о русских храмах. Интерес к раннему русскому зодчеству был давним, стабильным, просто в конце 1960-х у Владимира Яковлевича наконец появилось время, чтобы всерьез заняться и этой стороной народной культуры России. Приведу цитаты из писем, мои записи разговоров с Владимиром Яковлевичем, касающихся архитектуры Древней Руси.

15 июля 1966 года: «В Кижях я пробыл 4 дня. Рассказывать очень трудно — я просто дышал этой атмосферой древней талантливой Руси...»

4 августа 1966 года: «Ильинского погоста я не знаю — надеюсь на Ваши фото. Зато я нынче побывал в Кондопоге. Храм — совершенно удивительный, может быть, самое совершенное создание русского северного зодчества. Мы были с Нилой (Криничной. — А. Н.). Шел проливной дождь, было пасмурно, и снимки получились вялые, я надеюсь на Ваши <...>. Эти северные храмы составляют одно целое с природой. По гениальности архитектуры наш Север выше Флоренции».

5 января 1968 года: «Я закончил спец. курс, и теперь у меня много свободного времени. Неожиданно для себя занялся историей древнерусской архитектуры. Весной поеду в Новгород — это моя мечта...»